

ЛЮБИМЫЕ АКТЕРЫ

СРЕДИ действующих лиц старинного русского водевиля «Помолвка в Галерной гавани» есть почтенный, трогательно-комичный генерал. Он и был первой ролью, сыгранной Ростиславом Яновичем Пляттом, которому тогда исполнилось... четырнадцать лет.

— В тот памятный день я и «отравился» театром на всю жизнь. И знал «одной лишь думы власть — одну, но пламенную страсть» к искусству театра, — говорит мой собеседник. — После этого школьного спектакля руководитель нашего драмкружка напророчил:

«Из тебя когда-нибудь может получиться очень смешной актер». Как было не поверить?! Ведь сказал это не кто-нибудь, а сам Владимир Федорович Лебедев, талантливый рассказчик, корифей Малого театра, где я посещал воскресные уроки.

Мне вообще повезло с учителями — через всю мою творческую жизнь проходит такой замечательный наставник и режиссер, как Юрий Александрович Завадский.

До остроты и блеска отточено сценическое оружие народного артиста СССР Р. Я. Плятта. Его мастерство (говоря языком арифметики) — это результат умножения природного таланта на неустанный труд. В совершенстве владеет Плятт драгоценным даром перевоплощения. Правда человеческого характера, неповторимого в своих индивидуальных, социальных, национальных особенностях, никогда не вызывает сомнений у его зрителей. Даже тогда, когда прием перевоплощения обнажается на наших глазах.

Перед началом спектакля «Цезарь и Клеопатра» к нам обращается Бернард Шоу, и мы испытываем радость общения с остроумнейшим автором пьесы. Но вот Шоу срывает с лица усы, бороду: перед нами Ростислав Плятт. Через мгновение, набросив античную тогу, он превратится в Кая Юлия Цезаря, чтобы развенчать величественного победителя из учебников и хрестоматий и познакомиться нас сперва с ловким политиком, ведущим коварную игру с соперниками, а затем с уставшим от борьбы стариком, грустно прощающимся с юной, прекрасной и жестокосердной Клеопатрой.

Правда характера, воплощаемого актером, неразрывна с правдой авторского замысла: Плятт увидел Цезаря глазами Бернарда Шоу. А незадолго до этого познакомил нас и с самым английским драматургом. Это произошло

на спектакле «Милый лжец», где зрители убеждаются, будто они всегда именно таким представляли себе Бернарда Шоу.

Приобщение Плятта к творчеству английского драматурга закономерно и естественно. Ведь ирония — одна из граней его умного, чуткого таланта. Иногда ирония становится чертой, характеризующей изображаемый персонаж, иногда — маской, скрывающей его лицо. Вспомним Дорна — Плятта в чеховской «Чайке» или его Яролегова в горьковской пьесе «Сомов и другие».

А в комедии Плятт использует иронию как «краску» образа. Свообразие Бабкина из комедии-шутки А. Софронова «Миллион за улыбку» Плятт увидел в той добродушной иронии, с какой персонаж относится к другу, попавшему в комическую беду. Но когда ирония характеризует отношение к образу самого актера, его идейную, гражданскую позицию, она становится саркастически злой. И тогда рождается такой сатирический персонаж, как дипломат Нинкович из комедии Нушича «Госпожа министрша». Хотя со времени премьеры прошло чуть ли не двадцать лет, этот аристократический глупец и бездельник и сегодня ярко отражается в зеркале моей зрительской памяти.

Ирония, сарказм, гнев обличения, острота характерного рисунка — не только они свойственны таланту Р. Я. Плятта. Каким редким даром обладает этот артист! Он в совершенстве постиг секрет «сиюминутности», когда кажется, что не только слова, но вызывающие их мысли и чувства рождаются тут же, сейчас же, в нашем присутствии. Потому-то он так обаятелен в роли Автора в спектакле «Дали неоглядные», где, беседуя со зрителями, он устанавливает между ними и сценой теснейший контакт.

Нельзя не вспомнить созданный им образ военврача Бурмина в предвоенном спектакле «Парень из нашего города» на сцене Театра имени Ленинского комсомола, где Плятт раскрыл те отличительные качества героического советского характера, которым вскоре суждено было проявиться в годы Великой Отечественной войны. А позже, уже в прифронтовой Москве, в том же театре, в другой пьесе К. Симоннова — «Русские люди» — Плятт в роли Васина показал душевную нежность русского человека, его патриотизм, беззаветную отвагу, праведную ненависть к фашистам.

Недавно Плятт снимался в фильме «Иду на грозу» (по роману Д. Гранина) в роли крупного ученого-физика, профессора Данкевича. А на сцене Театра имени Моссовета Ростислав Янович будет работать над новым воплощением образа Раевича в прославленной пьесе В. Билль-Белоцерковского «Шторм».

— В третий раз это чудесное произведение оживет на нашей сцене, — рассказывает Ростислав Янович. — Впервые в нашем театре (он тогда назывался «Театр имени МГСПС») в постановке А. Любимова-Ланского роль Раевича играл А. Крамов. Во второй сценической редакции 1952 года Раевича играл я. И вот теперь, к пятидесятилетию Великого Октября, заново осмысливаю характер старого большевика.

— Чему отдаете вы часы своего досуга? Чем увлекаетесь за пределами сцены?

— И в театре, и в часы отдыха живу театром, его проблемами, его судьбой — одной лишь думой власти!

М. БЕРТЕНСОН.

НА СНИМКАХ: РОСТИСЛАВ ЯНОВИЧ ПЛЯТТ в спектаклях «Дали неоглядные», «Милый лжец», «Цезарь и Клеопатра» и «Бунт женщин».

Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.

ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ...